Глава 37: Любовная Песнь Феникса (1)

Хотя походка Чэнь Жуна казалась расслабленной, даже немного танцующей, на самом деле он двигался очень быстро. К тому времени, как Матушка Пинь и Старый Шен вышли, он уже прибыл к главному Дому рода. Центральные ворота Главного Дома были распахнуты и освещены специальными фонарями. С улицы было видно убранство главного двора перед парадным входом в главный зал Поместья Чэнь.

На въезде в большой парадный двор царило оживленное движение, повозки и люди сновали туда-сюда. Кто-то приезжал, кто-то уезжал. Суетились пробегая слуги, менявшие блюда с угощениями и разносившие кувшины с напитками. Не осмеливаясь повышать голос в таком месте, Матушка Пинь и Старый Шен могли только ускорить темп и втайне попытаться отговорить Чэнь Жуна.

Банкет продолжался уже четыре часа. Ночное небо освещали яркие луны, охлаждая гостей проносящимся ветром. Вероятно, сам банкет завершится в течение часа.

Чэнь Жун не поднимал головы. Уходя, он намеренно напудрил лицо, чтобы оно имело совсем бледный оттенок. В свою очередь его приуменьшенная живость придавала ему некоторую скромность.

Чэнь Жун стоял в густой тени дерева снаружи главного зала. Увидев приближающихся Матушку Пинь и Старого Шена, он приказал:

— Приготовьте мне столик.

— Господин!

— Быстро!

— Но господин ...

— Матушка, Старый Шен, я слышал сегодня от моего дяди, что клан собирается отдать меня как игрушку в наложники Принцу Наньньяна, — вздохнул Чэнь Жун, вынужденный объяснять, слушая, как они оба упорно отговаривают его.

Его слуги прикрыли рты, издав низкий вздох. Это было очень нехорошим известием. Неудивительно, что молодой господин так странно себя ведет! Нянюшка даже начала что-то тоненько причитать.

К счастью, все трое стояли в тени и не привлекали к себе внимания.

— Вы, должно быть, слышали о сотнях разных женщин и мужчин в его внутренних покоях, — криво усмехнулся Чэнь Жун, знаком руки заставляя притихнуть нянюшку. — Как будто этого недостаточно, он добавляет к своей коллекции каждый день больше и больше! Моя жизнь будет кончена, если я присоединюсь к его гарему. — Он вздохнул и рявкнул, — Идите, у меня есть план.

Своими причитаниями они только будут ему мешать.

— Н-Но.

— Ни слова больше. Подумайте об этом, разве я принимал неправильные решения за последние несколько месяцев?

Эти слова действительно являлись справедливыми. Переглянувшись, они отступили.

Спустя несколько мгновений Матушка Пинь передвинула столик и поставила его под большим деревом.

Чэнь Жун поднял голову и посмотрел на освещенный зал. Тамошний воздух был наполнен светом фонарей, звонким смехом и веселой музыкой. Люди внутри казались со стороны не земными существами, кем-то вроде духов, как будто у них никогда не имелось таких обыденных забот, как у него: накормить слуг, найти деньги на повседневные нужды Закупить уголь… кстати, это надо сделать до холодов… потом его цена улетит на небеса... Зима будет холодной, конечно не росской, но для этих мест с их «бумажными» домиками, это будет весьма ощутимо.

Чэнь Жун опустил глаза и медленно и грациозно опустился на колени возле стола, расправив складки одеяния вокруг себя.

А потом он слегка поднял руки. Ну что же, пора испытать то, что получилось…

Тотчас же несколько струящихся нот почти видимыми лентами обвились вокруг нитей осеннего ветра и постепенно поднялись.

Подобно меланхоличной поре, музыка легко приходила и легко уходила. Кроме того, что она нежно щекотала своих слушателей, она не оставляла после себя никакого другого ощущения.

Постепенно звуки цитры углубились, усилились и взмыли в небо. Магия усиливала и углубляла звук струн, ощущаясь почти физически. Они миновали слои облаков, болота и поля, а затем внезапно в поле зрения появилась тень. После этого дух песни уже не был прежним, как будто сердце, наконец, состарилось.…

Чэнь Жун заиграл “Любовную Песнь Феникса” (1), что Сыма Сянжу давным-давно играл двору Чжо Вэньцзюнь. Но из-за того, что обстоятельства сложились иначе, в его песне была

всепоглощающая меланхолия того, кто тоскует по недостижимому, и отчаяние того, кто восхищается издалека и никогда не присоединится к крыльям.

[□□□ (лит. Мужчина-Феникс ищет Женщину-Феникса) — известная в истории, как песня, которую знаменитый поэт Сыма Сянжу из Западного Хань сыграл, чтобы ухаживать за своей будущей женой, овдовевшей Чжо Вэньцзюнь.]

Такая меланхолия и отчаяние придавали песне ухаживания оттенок грусти и одиночества. В ней имелись и приятие, и тоска.

В зале для гостей все еще было шумно, когда зазвучала артефактная цитра Чэнь Жуна. Постепенно, однако, музыка медленно просачивалась в веселую сцену, становясь ее главной мелодией. Музыканты сбивались со своих нот и словно зачарованные: или подхватывали мелодию, расцвечивая ее, или умолкали стыдливо.

Медленно, один или два человека вышли, глядя в сторону источника музыки.

И постепенно все больше людей выходило из зала, их шутливые звуки растворялись в парящей музыке.

Чэнь Жун ничего этого не замечал.

Он просто не поднимал головы, его фарфоровые руки скользили по струнам, черты лица были омрачены печалью сезона. В серебряном свете его юное изящное лицо имело слегка бледный оттенок, но бледность контрастировала с бирюзовым и фиолетовым цветом наряда, отражая некоторую печаль.

В лунном свете редкие листья, срываясь с веток дерева над его головой, порхали и кружились в волнах музыки, а зыбкие тени скрывали его прекрасное лицо в полутьме.

Чэнь Вэй широко раскрыла глаза и недоверчиво уставилась на музыканта под деревом.

Посмотрев на него, она громко рассмеялась вместе с соседними девушками.

— Небеса, разве это не малыш Сяо Жун из Пинга? Почему он играет "Любовную Песнь Феникса"?

— Хи-хи, это определенно очень интересно.

— Интересно, для кого он играет? – одна из красавиц слегка толкнула плечом Чэнь Вэй, тут же зарумянившуюся и вздернувшую нос.

— Да, интересно, в кого это он влюблен?

— Независимо от того, кто объект его страсти, с его статусом, он может признаться в своих чувствах только подобным образом.

Волны смеха, бормотания и осуждения сменили все трубы, песни и танцы.

Все больше людей выходило во двор. Среди них имелись молодые люди высыпавшие, чтобы оценить одинокую фигуру, играющую под пологом деревьев.

Прежде чем кто-либо успел понять, что происходит, с каждой секундой смех стал стихать.

Возможно, это из-за того, что игрок на цитре казался слишком одиноким. Его одиночество было вечным одиночеством, того кто никогда не получал любви и восхищался своей любовью издалека.

В этом мире, что может быть более болезненным, чем жажда недостижимого и неспособность приблизиться к тем, кого мы любим?

Прислушиваясь к гомону снаружи громче, упитанный Принц Наньньяна повернул голову и удивленно спросил:

— Что происходит?

— Я не уверен, кто в кого там влюбился, но красивый юноша или возможно девушка в мужской одежде, из дома Чэнь играет "Любовную Песнь Феникса", — ответил подошедший к нему помощник лет пятидесяти, довольно улыбаясь.

Принц Наньньяна хмыкнул и сказал:

— Это так? Что за очаровательный романтический поступок! Если это придумано Домом Чэнь, то поистине подобное достойно похвалы организаторам приема! Идем, идем, давай тоже посмотрим.— Он повернулся и крикнул: — Цилан, пойдем вместе.— Не успел он позвать, как начал неловко смеяться: — Кажется, наш милый Цилан давно ушел.

— Да, в конце-концов, Цилан молодой парень. Как он может не любопытствовать, когда происходит нечто столь любовное?

— Хватит болтать. Давайте пойдем и посмотрим.

— Да, да.

Поддерживаемый помощником, Принц Наньньяна медленно вышел, обмахиваясь веером. Когда другие расступились перед ним, он с неожиданной бесшумной поступью подошел к Ван Хуну сзади и увидел, что тот смотрит во двор. Принц от души рассмеялся, спрашивая:

— Что за красота спровоцировала Цилана смотреть столь страстно?

Закончив, он тоже повернул голову в сторону музыки.

При этом взгляде Принц Наньньяна замер, не мигая, глядя на Чэнь Жуна, спросив своего помощника:

— Этот молодой мальчик чрезвычайно красив. Он сын дома Чэнь?

Тощему советнику на вид было за пятьдесят. К тому же он слыл развратником и прекрасно знал, что у принца на уме. Он наклонился и угодливо прошептал:

— Он не только Чэнь, но и тот самый юноша, о котором только что интересовался на банкете Ван Цилан!

— Это так?

— Не смею Вас обманывать.

— Хорошо, хорошо. — Принц Наньньяна весело повернул голову, чтобы серьезно оценить Чэнь Жуна. Чем больше он смотрел, тем ярче загорались золотом его глаза.

Увидев это, советник погладил свою редкую бородку и с улыбкой сказал:

— Этот юноша даже красивее, чем куртизанки на пиру. Ваше Высочество, вам очень везет, когда дело касается красоты.— Он снова наклонился к принцу и прошептал: — Чэнь Юань упоминал о нем только что на банкете. Он также сказал, что, если он вам нравится, его можно прислать в любое время.

Принцу Наньньяна было очень приятно это услышать. Он хлопнул себя по бедру и сказал в хорошем настроении:

— Хорошо, хорошо. Хорошо для Чэнь Юаня! - после чего облизнул мясистые губы красным языком, словно хищник в предчувствии добычи.